

Голос матери Чэнь звучал громко и отчетливо — на громкой связи его расслышал каждый из присутствующих.

Супруги Сяо, собиравшиеся использовать ориентацию Ду Юньтина как рычаг для шантажа, замерли в замешательстве. Они и представить не могли, что юноша ничуть не испугается огласки. Закончив разговор под прицелом их ошеломленных взглядов, Юньтин смерил их насмешливой улыбкой.

— Простите, — вкрадчиво произнес он, — кажется, мама вовсе не собирается разрывать со мной отношения.

Мать Сяо оцепенела лишь на мгновение. Издав пронзительный вопль, она вскинула руки, пытаясь вцепиться ему в лицо. Её ногти, которые она не стригла с самого приезда в город, напоминали длинные и острые когти — попади она в цель, и кожа юноши превратилась бы в кровавое месиво.

— Ах ты, дрянь! Да как ты смеешь!

Водитель, примчавшийся на помощь Второму молодому господину Ду, побелел от ужаса, но Юньтин среагировал быстрее. Без малейших усилий он перехватил запястье женщины.

Он не собирался пускать в ход силу, но такая наглая провокация требовала ответа. Юноша сжал пальцы крепче и резко вывернул руку. Воздух прорезал истошный крик.

— А-а-а! Больно! — заголосила старуха. — Помогите! Убивают!

Навыки боя были у Ду Юньтина наработаны долгой практикой. Он вовсе не был тем беспомощным и слабым Чэнь Юаньцином, каким его привыкли видеть. Юноша убедился, что лишних свидетелей поблизости нет, а господин Гу далеко, и надавил сильнее. Суставы женщины натужно хрустнули.

— Учтите, — Юньтин прищурился, понизив голос до вкрадчивого шепота, — в одном вы правы: денег у моей семьи предостаточно. Так что на оплату ваших счетов за лечение я уж как-нибудь разорюсь.

Он подался чуть вперед, не сбавляя натиска.

— Поэтому сделайте одолжение — больше ко мне не суйтесь. Будет очень обидно, если ваш сынок в тюрьме вдруг лишится руки или ноги... Согласны?

Отец Сяо затрясся, его губы судорожно задрались.

— Это же... это же чистой воды угроза!

— Именно, — охотно подтвердил Ду Юньтин. — Беру с вас пример.

Он не удержался от очередной шпильки:

— Раз уж мы здесь: ваш сын меня ударил. Не хотите оплатить мои расходы на врачей?

Старик буквально захлебнулся словами от такой наглости. Гнев распирает его, но сделать он ничего не мог — противник всего лишь держал его жену за руку, даже не ударил, а уже требовал компенсацию. Не желая расставаться с деньгами, отец Сяо со злостью пнул старуху, все еще сидевшую на земле, швырнул окурок и глухо бросил:

— Пошли отсюда.

Мать Сяо все еще пыталась бунтовать, не желая подниматься.

— А как же деньги нашего младшенького...?

Один бог знает, сколько средств этот «липкий Нюпитран» вытянул из её сына.

Отец Сяо с каменным лицом схватил её за плечо и прикрикнул:

— Да шевелись ты уже!

Ду Юньтин лишь рассмеялся им в спины.

— Всё еще не хватает на жизнь? — бросил он с намеком. — Я видел на руке вашего сына часы, они стоят не меньше двухсот тысяч.

Юньтин знал правду, а вот супруги Сяо — явно нет. Они были свято уверены, что Сяо Пиннань владеет подлинными предметами роскоши. Услышав о баснословной сумме, старуха вмиг забыла о своих притворствах и вскочила на ноги. Оба поспешили домой, дрожа над мыслью о том, что нужно поскорее проверить свои «драгоценные» трофеи.

Юноша в прекрасном расположении духа провожал их взглядом.

«Жаль, их не будет рядом, когда они поймут, что всё это — дешевое барахло...»

Он мысленно подвел итог:

«Впрочем, фальшивке — фальшивое счастье, в самый раз»

Ду Юньтин не испытывал к этой чете ни капли сочувствия. В истории оригинального владельца тела родители Сяо хоть и оставались в тени, но были прекрасно осведомлены о происходящем. Поначалу они не хотели, чтобы их сын связывался с женщиной, но стоило им узнать о богатстве семьи Чэнь, как их позиция магическим образом изменилась.

Они не стали лучше относиться к Чэнь Юаньцину — просто перестали мешать, закрывая глаза на то, что их сын ведет двойную игру.

Юаньцин, не желая возвращаться к родным, не просил у них денег. Зато Сяо Пиннань и его родители, прикрываясь его именем, всю наладили контакт с четой Чэнь, выманивая средства под самыми разными предлогами.

То они говорили, что юноша болен, то утверждали, что он попал в затруднительное положение. Настоящие родители Чэнь были людьми неглупыми, но чувство вины перед сыном, потерянным на долгие годы, ослепляло их. Не смея навязываться ребенку, который отказывался их признавать, они видели в Сяо Пиннане единственную связующую нить.

Позже, когда Сяо Пиннань окончательно подчинил себе Юаньцину, он стал их единственным источником информации. Юноша всё реже выходил из дома, и мать с отцом могли узнать о нем хоть что-то только через этого так называемого «возлюбленного».

Пользуясь этим, Пиннань со временем перестал даже придумывать оправдания — он просто требовал деньги.

Отец и мать Чэнь, начав подозревать неладное, настаивали на личной встрече. Но как Сяо Пиннань мог это допустить?

Он обратился за советом к своему наставнику, и тот преподавал ему урок:

— Вспомни, что я говорил тебе в самом начале? Какая цель у идеальной дрессировки?

Сяо Пиннань пребывал в растерянности, и учитель пояснил:

— Сделать так, чтобы человек был готов умереть ради тебя.

План был прост: сорвать последний куш и исчезнуть. Полиция всё равно списала бы это на самоубийство, а если настоять на том, что у Чэнь Юаньцина была депрессия и суицидальные наклонности — что смогли бы сделать его родные?

Пиннань нашел этот план безупречным. Он окончательно расшатал нервную систему жертвы и добавил ту самую последнюю каплю.

Вспоминая всё это, Ду Юньтин не мог заставить себя относиться к этой семейке иначе как к паразитам. Поговорка о том, что за проступки детей отвечают родители, была здесь уместна. У людей, лишенных моральных принципов, вырос настоящий кровопийца, мусор, который следовало вымести без остатка.

И этого было еще мало.

Юньтин усмехнулся и неспешным жестом достал из кармана платок. Он тщательно вытер пальцы, которыми касался старухи, и брезгливо отправил его в урну.

Водитель, только что собиравшийся «спасать» его, замер на месте.

«Твою же...»

Мужчина в замешательстве подумал:

«Глава Гу просил меня следить, чтобы молодого господина не обижали?»

«...Или он имел в виду, чтобы молодой господин никого не обидел?»

Ду Юньтин и не думал разыгрывать из себя «маленький белый цветок» перед четой Сяо. Он слишком часто встречал таких людей: типичные деревенские горлопаны, привыкшие терроризировать слабых и пасовать перед сильными. Стоит дать слабину, и они решат, что могут прийти снова.

Лучше сразу поставить их на место и навсегда избавить себя от их присутствия.

Правда, после этого сеанса устрашения водитель всю дорогу косился на него. В его взгляде читалось такое изумление, словно он наблюдал за пандой, которая вдруг начала охотиться на тигров.

Всё потому, что образ нежного мальчика слишком прочно приклеился к Юньтину. Видеть, как он разбирается с такими проблемами, было всё равно что наблюдать за кроликом, который внезапно превратился в волка...

— Братец, — не выдержал Ду Юньтин, — следи за дорогой.

— Ох, простите! — спохватился мужчина, но всё же не удержался: — Молодой господин, вы, оказывается, приемами самообороны владеете?

Он выразился весьма деликатно. Юноша тут же ухватился за эту возможность и, приняв привычный застенчивый вид, ответил:

— Раньше я какое-то время занимался саньда.

Водитель замолчал, про себя гадая, сколько же лишений пришлось перенести этому хрупкому на вид подростку, чтобы пойти на боевые искусства... По возвращении нужно обязательно рассказать об этом господину Гу — похоже, в прошлом парня сильно обижали.

[**Сяо Лю была поражена тем, как легко Трус Ду меняет маски**]

В оригинальном мире люди были явно слепы, раз не вручили ему «Оскар».

«Ну что? — мысленно спросил Юньтин. — Я снова вырос в твоих глазах?»

[**Да, невероятно вырос. Теперь ты величиной с муравья**]

Перед матерью Чэнь Ду Юньтин совершил полноценный каминг-аут.

И сделал это с полной уверенностью, ведь он помнил, что в оригинальной истории мать из чистой любви к сыну не сказала ни слова против его наклонностей. В этот раз всё прошло так же гладко. Стоило ему согласиться вернуться в семью, как женщина начала буквально сдувать с него пылинки.

Вот только... она приняла это как-то подозрительно быстро. Не успел Юньтин выйти из машины, как мать Чэнь уже спешила к нему навстречу, сияя от восторга и протягивая внушительную стопку документов.

— Это... это что? — опешил юноша.

Мать Чэнь, всё еще терзаемая чувством вины за долгие годы разлуки, говорила с ним очень осторожно, боясь вызвать хоть тень недовольства.

— Я подумала... Ты ведь, наверное, мало общался с такими же людьми. Вдруг не встретишь того, кто по сердцу...

Она подтолкнула папки к нему, понизив голос до заговорщицкого шепота:

— У моей старой одноклассницы сын тоже... как ты. Я с ней поговорила, и оказалось, что в нашем кругу есть еще несколько подходящих кандидатов. Я изучила все анкеты, даже фотографии раздобыла. Не хочешь взглянуть?

Ду Юньтин принялся лениво листать бумаги.

Стоит признать, вкус у матери был отменный: от каждого из претендентов так и веяло нужной аурой. Внушительные грудные мышцы, длинные ноги, мужественные черты лица... Любой другой на его месте уже исходил бы томными вздохами.

Второй молодой господин Ду держался куда спокойнее, хотя как истинный ценитель не смог отказать себе в удовольствии задержать взгляд на особенно рельефных мышцах одного из парней.

«О, какой славный "качок"!»

— Пожалуй, этот... — начал он.

— Сестра, — раздался вдруг за спиной бесстрастный, холодный голос.

Гу Ли, только что закончивший дела, небрежно ослаблял узел галстука. Он сначала смерил внимательным взглядом племянника, а затем перевел взор на стопку документов в его руках. Его глаза опасно сузились.

«...!!!»

Трус Ду моментально вцепился в бумагу, а фраза, едва не слетевшая с губ, совершила в воздухе головокружительный кульбит.

— Бумага! — выпалил он, лихорадочно ощупывая снимок. — Какая замечательная бумага, мама! Ни плотная, ни тонкая — в самый раз! Где ты такую купила?

<http://bllate.org/book/15364/1372883>